

— За всю свою жизнь я запретил только два спектакля, когда был директором "Современника". Первый — это "Макбет" литовского режиссера, хотя в главных ролях были Волчек и Кваша. Когда режиссер эмигрировал в США, он с удовольствием рассказывал на каждом углу, что пострадал по политическим мотивам, а на самом деле его "Макбет" просто-напросто был скучен и далек от художественного совершенства. Второй спектакль — "Али-баба и сорок разбойников" Бениamina Смихова, который ставил это музыкальное несообразие в подвале "Табакерки". А только в этом сезоне закрыл четыре: три во МХАТе ("Гамлет в остром соусе", "Тот, кто получает пощечины", "Горячее сердце") и один по пьесе Шендеровича в "Табакерке".

— Но как вы рассчитываете компенсировать финансовые потери?

— Буду экономить на еде. Но не жены и сына, а сам меньше буду есть.

— А если серьезно, Олег Павлович? Ведь на "Горячее сердце" МХАТ выложил огромную сумму. Будете опять брать кредит под свое имя?

— Нет, не буду. Как ни странно, ситуация с финансами стабильная — зритель же во МХАТ вернулся.

— Получается, Табаков против Табакова. Закрыв спектакли, вы нашли врагов. Отдадите себе в этом отчет?

— Не интересуюсь. Иду дальше. Я делом занимаюсь.

— Вы вообще ничего не боитесь?

— Боюсь старости, болезней близких, а все остальное я преодолел. Я до странности нормально себя ощущаю. Ведь все это на самом деле не большая хитрость: не граби под себя, не приноси главные роли для жены, не злоупотребляй служебным положением и не тащи в постель артисток. Это нормальные основы. Я взял на себя обязательства вернуть этому театру его физическую рабочую форму — и вернул.

— Вы не раз намекали, что можете уйти из МХАТа. При каком условии это может произойти?

— Если пойму, что есть кто-то, кто может делать это лучше. И если пойму, что мои усилия не приводят к реализации программы, которую я изложил. Когда я в 2000 году пришел во МХАТ, моя ошибка заключалась в том, что никакие предварительные условия я не оговаривал. Была беда — Олег помер, понимаешь. А когда такое случается, что ты будешь в тот момент оговаривать? Я научился потом формулировать, зачем я пошел во МХАТ: подлее было бы не согласиться.

— А глупее было бы не оговорить условия.

— Несколько раз в своей жизни я ввязывался в ситуацию, когда бил женщину, и мне доставалось в результате. Ну и что? То же самое и со МХАТОМ, хотя сейчас понимаю, что был дурак.

— Теперь вопрос относительно уволенных вами артистов. Например, вы пригласили Игоря Угольников и расстались с ним. Почему?

— Потому что на поверку он не всерьез пришел во МХАТ. Сфера его интересов достаточно широка. А то, что он и другие артисты делали в "Гамлете в остром соусе", оказалось прямо противоположным тому, что должны делать артисты в этом театре.

— И неудачно сложились история в этом сезоне с блестящим актером Александром Семчевым.

— Печальная история, потому что последовательная неудача с "Горячим сердцем" и "Гамлетом" привели к простому. А с другой стороны, почему-то я назначил его на Ларионика в "Днях Турбиных": большого карт-бланша для его индивидуальности трудно придумать.

— Какие тенденции в московском театральном процессе — не художественные заметьте, — показал прошедший сезон?

— Невозможно государство содержать 590 театров: надо прекратить поддерживать равенство всех в нищете, по выражению Николая Ивановича Бухарина. Инвестировать театр надо соразмерно жизнеспособности данного театра. Мне скажем, дается миллион, и тебе дается миллион. Но я на миллион господомоги заработал 3 миллиона, а ты, извини, обкакался и заработал только 300 тысяч. Вот и вырастает моя квота на будущее, а твоя...

— Именно теперь в Москве может начаться приватизация театральных зданий.

— Это аморально. Не буду принимать в этом участия.

Табак

ПРОТИВ ТАБАКОВА?

"ЭТО САМЫЙ СТРАШНЫЙ СЕЗОН В МОЕЙ ЖИЗНИ".

— признался худрук МХАТа и предложил всем вместе посмотреть правде в глаза. А правда заключается в том, что впервые, пожалуй, во мхатовской, да и вообще в театральной практике худрук добровольно, а не по принуждению, снял аж три спектакля. Тем самым возмутил сложившиеся и нанес кассе Художественного серьезный ущерб. Но на то он и Табаков, чтобы совершать поступки, на которые не способны его коллеги. В этом убедились Марина Райкина, беря эксклюзивное интервью у Олега Табакова.

— Но чем театр хуже тех предприятий, которые давно прибрали к рукам госсобственность и очень плохо или очень хорошо ею распоряжаются?

— Я хотел бы, чтобы мои дети не стыдились меня.

— Не считаете ли вы, в таком случае, что среди актеров нужна безработица?

— Наверное. Театр — это (я объяснял сегодняшним студентам по несколько раз) — зона повышенного риска бытия. Как люди нетрадиционной сексуальной ориентации входят в группу риска (СПИД), так и театр — тоже риск. И ничего с этим не поделаешь. Не может быть никакой социальной справедливости в театре. Это замечательное занятие, дающее мне радость жизни, и мне за это еще платят.

— Сталкивались ли вы в этом сезоне с шантажом артистов, от которого все чаще страдают худруки и главрежи? То есть я — звезда, а значит, под мою занятость

надо строить репертуар и так далее...

— Против меня не попрешь. Меня взяли не за что. Как только у Андрея Ильина количество антрепризных спектаклей превысило количество спектаклей, играемых во МХАТе, я предложил ему уйти на год. И он попросил творческий отпуск для решения своих экономических проблем.

— Материальный фактор в удержании звезд во МХАТе играет решающую роль?

— Мне стыдно, что наши артисты получали мало, а я получал много. Еще раз повторю, что все реформы, которые я затеял, только для того, чтобы актеры получали больше денег, а не меньше. Моя цель — основной состав не должен получать меньше 30 тысяч. Тогда можно сказать: "Далеко не за чертой бедности эти люди". Важно понять, что ни одного рубля, данно-

го мне российским бизнесом, на вознаграждения актерские я не трачу, все вкладывается в дело, в развитие.

— В прошлом сезоне МХАТ очень хорошо "кормил" спектакль "№13". Собираетесь ли вы взять в Художественный снова комедию положений?

— Собираюсь. "Сенная лихорадка". Потом, если бы вышел "Тартюф" со мной, то это тоже был бы кормящий спектакль. А ты знаешь, что "№13" в провинции по спросу оценивается хуже, чем в Москве? Например, в Новосибирске за два спектакля "Амадей" собрал 850 тысяч, а "№13" — 670. Это говорит о том, что провинциалы знают звезд своего времени, а новые еще не акцентированы этим зрителем.

— Уже известно, что Хабенский и Пореченков переходят с нового сезона во МХАТ. Кого еще вы сманили в труппу? И почему не приглашаете наряду с яркими мужчинами ярких актрис?

— Я не могу называть женщин, которых бы позвал, их совсем мало. Поэтому я предпочитаю, чтобы девочки, которые только начали работать во МХАТе — Мороз, Скорик, Литвинова и состоявшаяся Женя Добровольская, Марина Голуб и молоденькая Катя Соломатина, — выросли в больших актрис.

— Значит, ждать сюрпризов?

— Сюрпризы могут быть. И, возможно, не из Москвы.

— Неужели вы, такой смелый человек, до такой степени дрожите за свою репутацию, если в этом сезоне не дели ни одной роли очень хорошей актрисе Марине Зудинской? Скромное ее появление в спектакле "Гримерная" (новая сцена на 90 месте) — не в счет.

— Это моя вина перед ней. Она могла бы быть занята в спектаклях "Табакерки", но там не было интересной работы для нее.

Планы МХАТа на новый сезон: основная сцена — "Мецане" (реж. Серебренников), "Дни Турбиных" (Женовач), малая сцена — "Осада" (Евгений Гришковец), "Скрипка и немножко нервно", "Кошки-мышки", "Парфюмер", "Легкий привкус измены". Возможны еще "Лунное чудовище" и "Кораблекрушение".